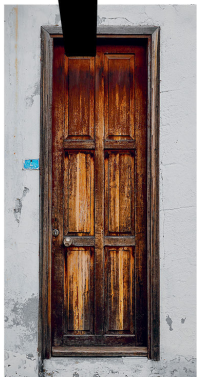

Ариэль Магнус

ДВЕРЬ

В

ДВЕРЬ

Как нацисты и евреи оказались
соседями по эмиграции в Аргентине

Ариэль Магнус
Дверь в дверь. Как нацисты
и евреи оказались соседями
по эмиграции в Аргентине
Серия «Individuum»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74362036
ISBN 978-5-04-252581-0

Аннотация

Как жить, когда ненавидишь своих соседей? Ответ на этот вопрос пришлось искать Хайнцу Магнусу, немецкому еврею, который в 1930-е уехал из Германии в Аргентину. Он пересек полмира, обосновался в Буэнос-Айресе – и оказался в одном доме с ярыми поклонниками Гитлера. Трагикомическую историю о том, как в Аргентине десятилетиями сосуществовали евреи и нацисты, в том числе бежавшие после поражения рейха, рассказывает внук Хайнца – аргентинский писатель из Берлина Ариэль Магнус. Погружаясь в прошлое страны, охотно принимающей иммигрантов, он размышляет о сложностях идентичности и глубокой неприязни – и задается вопросом, возможно ли примирение между потомками палачей и жертв.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

1. Госпожа из Буэнос-Айреса	5
2. Аргентинские немцы	11
3. История одного немецкого еврея	21
4. Вслед за бароном	32
5. Наши люди	37
6. Кто такие йекке?	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Магнус, Ариэль Дверь в дверь. Как нацисты и евреи оказались соседями по эмиграции в Аргентине

© 2023 by Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG,
Cologne/Germany

© Екатерина Токовина, перевод с немецкого, 2026

© ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Individuum®

1. Госпожа из Буэнос-Айреса

Представьте себе такую ситуацию: еврей сбегает из Гамбурга в Буэнос-Айрес, преодолевает расстояние в двенадцать тысяч километров... и оказывается в доме, где проживают нацисты. Даже в романе такой сюжетный ход показался бы немного притянутым за уши, но именно такова трагикомичная судьба моего дедушки, Хайнца Магнуса.

Дом находился по адресу улица Монро, 4140, на окраине Бельграно, самого немецкого района аргентинской столицы. В доме было четыре квартиры – две снизу и две сверху – и сад. В одну из квартир на первом этаже и въехали мои бабушка с дедушкой, даже не подозревая, какие соседи живут наверху. Это была семейная пара по фамилии Винклер, и проблемы, по правде говоря, были в основном с фрау Винклер.

– Она выглядела как Чарльз Лоутон в роли Квазимодо из фильма «Горбун из Нотр-Дама», – вспоминает старшая сестра папы, Габи, которая родилась в 1945 году. «Мало вас Гитлер поубивал!» – говорила фрау Винклер в хорошие дни. Во все прочие дни она изрыгала потоки оскорблений.

Похоже, бездетную фрау Винклер совсем не радовало соседство с малышами, а моя бабуля, Лизелотта Магнус (урожденная Якоби) родила троих подряд: Габи, Рут и Томми – моего папу. Однако стычки начались еще до рождения детей.

Когда закончилась война, папин шурин Ханс Якоби привез с собой проигрыватель с пластинками и врубил на полную громкость «Интернационал» на немецком (в Аргентине он изначально получил известность именно в таком исполнении).

«Мало того, что Фатерлянд проиграл войну, так еще и это!» – взывала Квазимодиха на верхнем этаже.

Однако на этот раз она не ограничилась одними воплями и выплеснула на террасу бабушке с дедушкой грязную жижу, которая скапливалась у нее в водостоке кухонной раковины. «Воняло как в клоаке», – вспоминает папа, родившийся в 1950-м. А еще она никогда не забывала крикнуть: «Жида поганые!» или что-нибудь в этом духе. Один раз бабушка с дедушкой даже вызвали полицию, чтобы положить конец ее выходкам, и фрау Винклер действительно забрали в полицейский участок. Однако через пару часов она вернулась, и все осталось по-прежнему.

Больше всего доставалось моей тете Рут, родившейся в 1946 году. Она любила делать растяжку в саду в обтягивающей спортивной одежде, и из-за этого Квазимодиха, конечно же, обзывала ее шлюхой. В один прекрасный день двенадцатилетней девочке надоели оскорбления, и она вызвала фрау Винклер на дуэль. Причем по классике жанра:

«А ну выходите, и разберемся по-мужски!» И фрау Винклер действительно выперлась из своей квартиры! Должно быть, проезжавшие мимо водители автомобилей, автобусов

и трамваев сворачивали шеи, чтобы поглазеть на этакое шоу: спортивная, грациозная еврейка выступала против тучной злобной нацистки прямо посреди тротуара, на широкой авеню. Правда, особого экшена не случилось. Насколько мне удалось восстановить события, Рут просто отобрала у бабки трость и пригрозила задать ей хорошую трепку, но до рукоприкладства так и не дошло: лишившись опоры, толстая старуха сама бухнулась задом об землю.

Настоящий нокаут произошел позже, когда у бабушки наконец лопнуло терпение. К тому времени, в начале шестидесятых, господин Винклер уже покончил с собой, и подружки Габи частенько приходили к ней в гости посмотреть на сумасшедшую бабушку с верхнего этажа. Хайнц же не видел ничего смешного в постоянной травле со стороны соседки, и у нас даже есть основания предполагать, что хроническое заболевание сердца, от которого он умер в 1966 году, в возрасте всего лишь 52 лет, не в последнюю очередь было связано с неадекватной госпожой Винклер. Так или иначе, его хрупкому здоровью вряд ли пошло на пользу то, что однажды он окончательно вышел из себя, выскочил из квартиры и начал швырять вверх все, что попадалось под руку – причем с поразительной меткостью. После этого происшествия фрау Винклер подуспокоилась, но здоровье бабушки уже было не восстановить. И хотя он все-таки пережил старую нацистку, но пережил так же, как и многие другие евреи, прошедшие через нацистский режим: с видимыми и невидимыми рана-

ми.

Это анекдотичное столкновение растянулось во времени и поэтому больше напоминало дурацкий сериал, но в моей семье о нем всегда вспоминали с некоторой беззаботностью. Если приходилось к слову, и сам я пересказывал эти события в такой же манере. Лишь во время поездки по Германии, когда я выступал с чтениями и слушатели задавали вопросы о том, как уживались в Аргентине немецкие и еврейские выходцы из Германии, я вдруг осознал, что жизнь на улице Монро, 4140, была отнюдь не нормальной. Возможно, в нашей семье это считалось нормой, потому что в психике срабатывал некий защитный механизм вытеснения: во-первых, моим родным было просто неоткуда взять денег на переезд, к тому же было бы чрезвычайно несправедливо съезжать, не выдержав травли. Однако такое положение дел казалось нормальным и другим аргентинцам, которые прекрасно знали о положении дел и об этой странной форме сосуществования внутри «немецкой колонии» двух больших групп с противоречиями, которые казались неустрашимыми.

Каким же образом произошло столкновение представителей одной и той же культуры (а вовсе не разных культур!), оказавшихся так далеко от родины? И как в итоге в этой одной культуре уживались две враждующие стороны? Этими вопросами пострадавшие задавались, пожалуй, в последнюю очередь, однако именно ответы на них позволили мне по-новому взглянуть на ситуацию. Как представитель второго

поколения, рожденного в Аргентине, я, конечно же, больше чувствую себя аргентинцем, чем немцем. Вы, наверное, спросите – а как же это соотносится с немецкой и еврейской идентичностями? Мне не хотелось бы разделять их, и все же, вопреки моему желанию, это разделение существует, а раньше, когда моя семья была вынуждена бежать в Аргентину, оно чувствовалось еще сильнее.

Меня воспитывали одновременно как еврея и как немца, причем второе в итоге перевесило, в том числе и потому, что я снова живу в Германии, как и двое из трех моих братьев и сестер. Однако все немецкое во мне быстро улетучивается, когда я сталкиваюсь с немцами или иностранцами сомнительных взглядов. Правда, я почти никогда не возмущаюсь в ответ на грубые нападки. Негодование кажется мне неэлегантным, и даже пустой тратой сил. Мне ближе ирония.

Здесь стоит также задуматься о том, могу ли я в самом деле дистанцироваться от изучаемой темы, ведь это весьма непросто. Как бы мне ни хотелось этого избежать, углубляясь в историю немцев в Аргентине, я и сам становлюсь предметом исследования. В одном лишь выборе и подходе к чтению источников уже проявляются признаки субъективизма, о существовании которых я и сам не подозревал. Иными словами, я вижу в книгах гораздо больше свастик, чем средне-статистический читатель – порой даже там, где, возможно, их вовсе нет. Подобная одержимость уже позволяет многое понять о том, что происходит в сознании третьего поколения

немецко-еврейских эмигрантов, которые снова вернулись на родину.

Все это звучит очень ясно и продуманно, но вместе с тем и смущает. И это даже хорошо. Значит, мы приближаемся к ядру травмы. Речь идет, конечно же, об унаследованной травме, причем я имею в виду всех участников этой истории. Сейчас у нас есть больше пространства для маневра, чем тогда, когда рана еще оставалась открытой и даже грозила навсегда разделить немцев и евреев. Или же Холокост окончательно закрепил этот раскол внутри немецкой культуры? Сейчас некоторые из нас, немецких и не-немецких евреев и немцев, живущих за границей, способны говорить о той боли спокойно, а иногда даже с юмором, но может ли затянувшийся рубец в любой момент вновь разойтись? Я в это не верю – иначе я никогда не смог бы вернуться в Германию. И, к сожалению, все-таки верю. Именно это внутреннее противоречие, как мне кажется, и лежит в основе мировоззрения людей с такой биографией, как у меня. Чтобы понять, как оно сформировалось, я предлагаю взглянуть на динамику напряжения в аргентинской «лаборатории». Эта история будет вполне занимательной, хоть эти события и происходили в середине прошлого века. Впрочем, им предшествовала история более давняя и длящаяся до сих пор.

2. Аргентинские немцы

Чтобы ознакомиться с историей немецкой иммиграции в Аргентине, необходимо обратиться к внушительному труду Вильгельма Лютге и соавторов «История германства в Аргентине». Не только потому, что эта книга представляет собой первую и на сегодняшний день наиболее масштабную попытку осмыслить данную тему, но прежде всего потому, что она оказалась в центре собственного исследовательского замысла. Это очевидно уже по выбору заголовка: в защиту названия книги, вероятно, можно было бы сказать, что исследование посвящено не немцам, *die Deutschen*, – ведь изначально такого понятия не существовало¹, или, по крайней мере, немногие выходцы с территории современной Германии определяли себя именно так – а феномену «германства» (*Deutschtum*), который, с чисто технической точки зрения, скорее должен был носить инклюзивный характер, однако на деле приобрел совершенно противоположное наполнение.

Важно также отметить и дату публикации этой книги: 1955 год, то есть после того, как немецкая иммиграция в Аргентину достигла своего пика. Правда, многие из этих мигрантов исповедовали иудаизм или имели еврейское проис-

¹ До объединения Германии в 1871 году. – Здесь и далее примечания переводчика и редакторов.

хождение, то есть не были «настоящими немцами» с точки зрения людей, оставшихся в стране и приспособившихся к нацистскому режиму. Официальным поводом для издания книги послужило столетие создания «Немецкого клуба» в Буэнос-Айресе – старейшего немецкого объединения в стране, целью которого было «показать новоприбывшим, что немцы содействовали развитию Аргентины со времен основания аргентинского государства».

И даже раньше! Если верить историку-любителю Лютге, еще в незапамятные времена на этой земле, колонизированной испанцами, успели побывать немцы и иные выходцы из «Священной Римской империи германской нации». Так, в марте 1520 года на будущей аргентинской земле высадился немец Ханс Варг, командир артиллерии одного из пяти кораблей экспедиции Фернана Магеллана, в ходе которой на южной оконечности континента был открыт Магелланов пролив, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. Варг был непосредственным участником этого географического открытия, однако погиб до завершения экспедиции, поэтому автор описывает это как «трагичную историю, которую можно назвать „почти сбывшейся“, как это нередко бывает с разнообразными начинаниями немцев». О каких таких многочисленных начинаниях немцев идет речь, автор не уточняет.

Немногим лучше обстояли дела у баварца Ульриха Шмидля, хотя он был в числе основателей Буэнос-Айреса в 1536 году и впоследствии опубликовал первое известное в ис-

тории описание страны. В книге о нем говорится, что он «со свойственной немцу преданностью» держался за своего предводителя и что, будучи «совсем не жестоким от природы», он рассматривал коренное население прежде всего как добычу. По словам самого Шмидля, он предпочитал захватывать не стариков, а молодых людей, что, по мнению Лютге, представляло собой «трогательную наивность»².

Уже в следующей главе автор сам с трогательной наивностью знакомит нас с основами расовой теории. Так, мы узнаем, что «помесь» первых поколений была ближе к индейцам, чем к европейским предкам, хотя постепенная ассимиляция со временем немного сгладила крайности: «приток свежей европейской крови» в конечном итоге смог воспрепятствовать «поглощению иммигрантов местным населением».

Однако немцы, к сожалению, «растворились в этой индейско-европейской смешанной расе», и сегодня «немецкий элемент» представляет собой лишь «каплю в смеси кровей» креолов. И все же «германство», прежде всего в лице конкистадора Шмидля, внесло отнюдь не малый вклад в освоение региона Рио-де-ла-Плата.

Я полагаю, что уж к этому моменту – а мы, между прочим, находимся на тридцать седьмой странице почти четырехсот-страничного опуса – непредвзятый немецкий читатель, ес-

² Вероятно, Лютге так пытался неуклюже ретушировать расчетливость работорговца, якобы щадившего стариков (хотя на самом деле логично захватывать в рабство молодых людей: они будут дольше работать).

ли таковой вообще существует, безошибочно распознает почерк нациста. Мне все было понятно еще по заголовку, хотя термин «германство» старше национал-социализма. И в самом деле, Вильгельм Лютге был членом НСДАП. Более того, все в его окружении состояли в этой партии – если не по факту, то как минимум по духу. А если и не по духу, то они все равно состояли в этой партии – как представлялось моей семье, а равно и всем еврейским семьям в стране (немецкого и иного происхождения).

Я охотно верю, что дети и внуки этих семей ни за что не переступили бы порог сохранившегося здания «Немецкого клуба». А вот меня несколько лет назад пригласила туда одна пожилая дама: впечатлившись моей историей, она захотела организовать публичные чтения. В итоге ей не удалось договориться с начальством, но я запомнил великолепный вид из окон и превосходное мясо в ресторане клуба – который, к слову, сейчас располагается в том же здании, что и Институт Гёте.

Следующим достижением немцев в деле становления аргентинской государственности – по крайней мере, по мнению господина Лютге (причем я как еврей скорее обращаю внимание на то, чего в тексте нет, чем на то, что в нем написано) – стали иезуитские редукции, созданные в XVII веке немецкими священниками, за которыми закрепилась репутация «образцовых колонизаторов». В целом, по мнению автора, этот «богоугодный эксперимент» представлял собой

одно из «величайших достижений американской истории», поскольку индейцы, проживающие в миссиях, смогли достичь беспрецедентного «уровня культуры», «которого не знали ни прежде, ни после „освобождения“ из-под опеки отцов». Единственный упрек автора в адрес этих «духовных завоевателей» состоит в том, что они практиковали «религиозный коммунизм».

В середине XIX века поток иммигрантов в «далекую страну возможностей» увеличился, хоть и весьма умеренно. Лютге отмечает, что немцы слишком быстро смешивались с местным обществом, так что спустя несколько поколений от их «германства» оставалась лишь фамилия. «Причина этой быстрой ассимиляции заключалась, вероятно, не столько в слабой устойчивости немецкого народного духа к чужим влияниям, сколько в отсутствии политической и экономической поддержки со стороны родины». Ну да, ну да. То есть, по мнению Лютге, немцам недоставало «национального самосознания» – того самого чувства, которое пробудилось в них не без помощи Гитлера и вновь было отнято позднее.

«Это было весьма прискорбно, – продолжает автор, – особенно если вспомнить „великий проект“ Сармьенто». Аргентинский «национальный просветитель» и президент страны с 1868 по 1874 год мечтал о немецком переселенческом движении в Южную Америку, которое распространилось бы по всему континенту и помогло бы поднять сельское хозяйство и промышленность там, где стояли «бесполезные леса».

Дальше автор цитирует самого Сармьенто: «Тогда Южная Америка смогла бы соперничать с Северной в могуществе и богатстве, и крупные государства с крепкой промышленностью установили бы равновесие между двумя расами, составляющими население Америки».

Аргентинские немцы вообще не отличались патриотизмом вплоть до Франко-прусской войны 1870–1871 годов. С прибытием представителя единой Германской империи началась новая эпоха. Лютге цитирует (под «цитирует» я имею в виду «приводит в полном виде») современный источник, в котором восхваляется исчезновение всякой вражды между немцами: «Люди, которые из-за разности своих жизненных установок прежде никогда не соприкасались друг с другом, вступили в дружеское общение; словом, немец был просто немцем». Распространилось ли это и на евреев? Едва ли – как мы увидим чуть дальше.

От себя автор добавляет, что этот «славный подъем немецкой нации» наконец вывел из мрака немецкую колонию в Буэнос-Айресе. «Они вдруг осознали, насколько убедительнее звучит грохот пушек по сравнению с речами философов». Теперь немецкие торговцы продвигались не хуже солдат: «Быстрые, как молния, многочисленные, они стремились вперед, и только вперед».

К слову, о «движении вперед»: как отмечает автор «Истории германства», церковь и школа традиционно были «основными учреждениями, служившими сохранению народ-

ности» – пока в Аргентину не прибыл новый тип мигрантов, который уже не принадлежал «к лучшим слоям немецкого бюргерства», а отличался «республиканским, можно сказать, почти социалистическим настроем». Когда «новые элементы», то есть социал-демократы, изгнанные бисмарковскими антисоциалистическими законами, попытались демократизировать жизнь общины, начались безобразные конфликты. «Двери и окна зала заседаний пришлось закрыть, чтобы посторонние не стали случайными свидетелями прискорбного зрелища, которое представлял собой разлад среди немцев».

Здесь следует отметить, что немцы всё же внесли реальный, значимый вклад в развитие региона: так, они открыли здесь первые две типографии, а отец Сигизмунд Аспергер провел важную реформу врачебного дела. «Если бы к нам не приехал этот немец, половины населения провинции нашего ордена, вероятнее всего, уже не было бы в живых», – цитирует Лютге некоего испанского священника. Далее он отмечает, что аргентинский флаг был освящен 25 мая 1812 года в церкви, построенной немцем, причем «знамя нес еще один немец, барон Хольмберг». А Хольмберг, между прочим, был известен тем, что отучил своих ополченцев от «дурного обыкновения сиесты».

Кстати, о солдатах когда в 1825 году началась аргентино-бразильская война, первые немецкие поселенцы страны внезапно оказались никудышными воинами. «Эти немцы да-

же не в состоянии присмотреть за своими лошадьми», — злобствовал в своих дневниках профессиональный военный Брандсен. Но даже если военные заслуги колонистов «безусловно, не относятся к славным страницам в истории германства в Аргентине», автору «нет нужды ретушировать отдельные эпизоды, ведь в аргентинской армии было достаточно немцев, которые зарекомендовали себя храбрыми солдатами».

Каждый раз смеюсь, когда в книге попадаются такие места! А вот смеялся бы мой дед — вопрос спорный, во-первых, потому что он вряд ли когда-либо захотел бы прочитать эту книгу. То же касается и моего отца. Для формирования иронической дистанции все же должно смениться не одно поколение. Можно ли считать это прогрессом? Думаю, да. Но эта дистанция должна присутствовать с обеих сторон. Тогда общая отстраненность неожиданно сможет превратиться в близость и, возможно, позволит вновь найти точку соприкосновения. Такие далекие — и такие близкие.

Другие достижения немцев, упомянутые в книге, практически затмевают вклад всех остальных — куда более многочисленных — диаспор в стране. Если вкратце: первых овец-мериносов вывел немец из Бремена; именно немцы «засаживали голые равнины иными деревьями, помимо персиков, и наладили садоводство»; немецкое происхождение имели и геологи, заложившие «основы аргентинской геологии». Немцу Нойману из колонии «Новая Германия» приписывается от-

крытие уникального метода выращивания йерба-мате, из которого делается аргентинский национальный напиток; другой немец по имени Ханс Кайдель в 1907 году «при бурении водных скважин в Комодоро-Ривадавии случайно обнаружил нефть». Первым (и последним) аргентинским губернатором милых нашим сердцам Мальвин (так называются Фолклендские острова на языке морских и островных пиратов) был гамбуржец Луис Вернет; первый детский сад, Kindergarten, в Аргентине открыли тоже немцы (именно поэтому мы до сих пор используем буквальный перевод, *jardín de infantes*). Первый автомобиль, проехавший по аргентинской земле, первый токарный станок с паровым приводом, первая паровая мельница – все это дело рук немцев. Гребной клуб «Тевтония» популяризовал «тогда еще почти неизвестный в Аргентине гребной спорт»; немецкие строительные фирмы прокладывали первые трамвайные линии и линии метро, возвели первый аргентинский небоскреб и даже Обелиск, ставший «символом Буэнос-Айреса».

Удивительно, но этот перечень все еще не является исчерпывающим. Как подчеркивает роскошное издание «Аргентина – Германия: 150 лет двусторонних отношений», к нему следует добавить бандонеон³ (а значит, и аргентинское тан-

³ Бандонеон – язычковый музыкальный инструмент, разновидность гармоники (похож набаян), широко используется в танго-оркестрах. Согласно популярной версии, его завезли в Аргентину именно немцы.

го) и пятнистую корову⁴, «которая помогла создать аргентинский миф». А в «Истории нравов в кино» Курта Морека (один из псевдонимов писателя Конрада Хеммерлинга) сообщается, что в начале прошлого века Буэнос-Айрес был настоящей столицей порнофильмов, и даже здесь «производство находилось в руках немца».

Все мои предки происходили из Германии; я учился в немецкой школе и несколько лет жил в Гейдельберге и Берлине, но я всегда ощущал себя аргентинцем, а не немцем. И лишь теперь я начинаю понимать, что это почти одно и то же.

⁴ В Аргентине распространена голштинская порода коров, скорее всего, прибывшая из Германии вместе с иммигрантами в XIX веке.

3. История одного немецкого еврея

Я столь подробно цитировал «Историю германства в Аргентине», чтобы показать, что это вовсе не моя история – хотя я и немец, и аргентинец. Как мог подметить непредвзятый читатель, в версии Лютге отсутствует одна небольшая деталь, а именно: немецкие евреи. В почти четырехсотстраничном томе есть лишь три подглавки, посвященных еврейской части немецкой колонии – притом весьма проблематичных.

Между тем, даже с этой точки зрения имелись веские основания приписать всю историю аргентинской государственности немцу, а именно Луису Хартвигу Бри (1834–1917).⁵ Правда, вероятно, господина из Немецкого клуба – «места встречи всех пресыщенных женатых мужчин и скучающих холостяков, предающихся возлияниям», которое в праздничные дни превращалось в рыночную площадь, «где дочерей выставляли напоказ и продавали тому, кто предложит больше», как говорится в романе 1933 года «Морат пробируется вперед» немца нееврейского происхождения Макса Рене Хессе, – не знали, что Бри, которого принято считать первым аргентинским евреем, родился в Гамбурге.

⁵ Деятельный политик и военный, Бри занимал важные посты в муниципалитете Буэнос-Айреса в конце XIX века, а также стоял у истоков многих еврейских организаций в Аргентине.

Однако Лютге и его соавторы, безусловно, знали – и все же не упомянули – о том, что барон Мориц Хирш, чей дед был одним из немногих евреев, удостоившихся дворянского титула, появился на свет в Мюнхене в 1831 году. Похоронив единственного сына, барон решил вложить наследство в (еврейские) благотворительные проекты. В то время аргентинские власти активно поощряли иммиграцию. В 1889 году на пароходе «Везер» из Бремена прибыли восемьсот русских евреев; это составляло половину всех евреев, проживавших тогда в Аргентине.

В «Истории еврейской иммиграции» Хаима Авни отмечается, что среди них было несколько семей из Подолья (исторической области на границе современных Украины и Молдовы), бежавших от угрозы погромов. Они направили представителя в Париж, чтобы организовать переселение в Палестину, однако тот потерпел неудачу и вместо этого приобрел землю в Аргентине. К тому моменту, когда переселенцы прибыли туда, купленный участок настолько вырос в цене, что продавец – крупный аргентинский землевладелец – расторг сделку. В качестве утешения им предоставили земли гораздо худшего качества.

Долго ли, коротко ли, но этот обман дошел до ушей Хирша. При финансовой поддержке еврейской общины Берлина и при содействии основанного там же Немецкого центрального комитета помощи русским евреям был создан грандиозный проект – Еврейская ассоциация колонизации (Jewish

Colonization Association, JCA), целью которой было превратить Аргентину в новый Сион, а барона – в нового Моисея.

Однако и этот проект потерпел неудачу – как, впрочем, и попытки немецких колонистов, которые еще с середины XIX века искали счастья в различных регионах страны. Еврейская ассоциация колонизации планировала переселить в Аргентину миллион евреев, но в действительности за первое десятилетие удалось перевезти лишь десять тысяч, то есть всего 1 %. И среди них было немало тех, кто вскоре вернулся обратно. Однако в краткосрочной перспективе состояние барона (которое, подчеркнем, предоставлялось переселенцам лишь в виде льготных займов) спасло множество жизней и поддержало стихийную еврейскую миграцию.

В 1905 году английский путешественник Элькан Адлер писал, что независимо от реальной ценности или успешности колоний Хирша, именно они в конечном итоге способствовали тому, что в Аргентине осело так много еврейских иммигрантов – больше, чем в любой другой стране Южной Америки. Адлер даже представлял себе Буэнос-Айрес как следующий Нью-Йорк – и был не так уж далек от правды: сегодня здесь, пожалуй, больше психоаналитиков, чем в родном городе Вуди Аллена. «Еврейские гаучо» judíos), как назвал их знаменитый аргентино-еврейский писатель Альберто Гершунов в одноименной книге 1910 года, «сеяли пшеницу и пожинали докторов». Так что мы вполне можем утверждать, что именно та волна иммигрантов подготовила почву

для евреев из Германии, которые начали уезжать, опасаясь участвовавших погромов.

В «Истории германства в Аргентине» обо всем этом не говорится ни слова. Впрочем, я сомневаюсь, что те, кому предназначалась эта книга, захотели бы читать о заслугах евреев. Колонии Хирша упоминаются лишь вскользь: говорится о «странно чуждом образе» местной синагоги, о «клочке восточной жизни посреди пампы» и даже о «крючковатых носсах». Но Лютге здесь ни при чем: он просто цитирует Вильгельма Валлентина из его «Путешествий по пампе и Кордильерам Аргентины».

О группе евреев, «эмигрировавших» из Германии после 1933 года, позже говорится следующее:

С точки зрения официального германства они, разумеется, больше не считались немцами; сами они больше не придавали этому значения, а пытались как можно быстрее ассимилироваться в Аргентине. Именно немецкие евреи привезли с собой самую мощную волну немецкого влияния, которую Аргентина пережила в последние десятилетия.

Их было 45 тысяч человек, из которых 15–17 тысяч переселились между 1934 и 1937 годами. Они оказывали «чрезвычайно сильное влияние на индустриализацию страны, европеизацию многих аспектов деловой жизни и, не в последнюю очередь, на распространение культуры, особенно музыки».

Остается один вопрос: какой культуры, какой музыки? Конечно, немецкой, ведь эти изгнанники, в том числе и мой дед, невероятно ее ценили.

Сегодня я впервые за долгое время вышел из магазина исключительно свежим, – писал он в дневнике 22 октября 1936 года, когда еще жил в Гамбурге и хотел стать раввином. – Проходя мимо радиомagasина, я задержался послушать прекрасные звуки вальса – конечно же, это был Штраус. Вдруг меня посетила мысль: совсем недалеко то время, когда я уеду отсюда в чужой мир. Будет ли там тоже Штраус? Будет ли там музыка, от которой хочется жить и танцевать? И вдруг я понял, насколько сильно сросся с немецкой культурой. Бетховен, Моцарт, Гайдн, Мендельсон, Штраус и многие другие – как же без них?

Со временем даже члены Немецкого клуба признали, что в книге Лютге есть несколько проблематичных мест, например процитированный выше фрагмент, и вторая редакция была тщательно переработана. Это произошло в 1981 году по случаю 125-летия клуба: книга была переиздана в скромном формате издательством Alemann, под более нейтральным названием «Немцы в Аргентине» и при участии еще двух авторов. Теперь на том же месте можно увидеть следующий текст:

...гонения на еврейство в Германии... привели к тому, что уже вскоре после 1933 года антинацистски настроенные круги пополнились еще одной группой

немецкого происхождения: евреями, бежавшими из страны. Им удалось вовремя – не дожидаясь более жестоких преследований – покинуть родину, где их уже не хотели считать немцами, и теперь их задачей было как можно быстрее и успешнее обосноваться в Аргентине.

При переиздании также убрали последний раздел книги 1955 года, в котором, в частности, говорилось следующее:

Глубокий раскол германской нации, который произошел в 1933 году, еще не полностью преодолен, но его причины остались в прошлом, а в будущем хочется лишь призвать к большей сплоченности. Новый, численно небольшой слой иммигрантов, тем не менее значимый в силу своих профессиональных и умственных качеств, ничего не знает о борьбе последних десятилетий и тем самым способствует тому, чтобы туман над прошлым сгустился еще сильнее.

В «новой» истории 1981 года внезапно появляются и евреи, которые уже находились в стране до 1933 года. Так, например, мы узнаём, что первым неаргентинским президентом центральных банков страны был еврей немецкого происхождения. В свое оправдание авторы утверждают, что не упомянули его в издании 1955 года, так как он все же являлся частью немецкой общности, а значит, его участие в истории этой общности, разумеется, подразумевалось, пусть и негласно.

Эти уже укоренившиеся евреи немецкого происхождения фактически были частью немецкой колонии и ее организаций; в этом смысле все, что сказано о событиях прошлого на этих страницах, относится и к ним.

Однако только в переизданной версии есть подробный рассказ о колониях Хирша, а сам Хирш именуется бароном; только в этом издании хотя бы вскользь упоминается (моя) Школа Песталоцци – важнейшая антинацистская организация Аргентины, а возможно, и всей Латинской Америки в период существования Третьего рейха. Авторы книги и сами прекрасно знали, что все это отсутствовало в первом издании:

Мы ожидаем и надеемся, что наша книга вызовет критические замечания, прежде всего, относительно некоторых упущений. Эти замечания будут тем более полезны, если будут сопровождаться указаниями для восполнения пробелов.

Однако исключение немецких евреев из повествования вовсе не было «пробелом» – или, вернее, было сделано сознательно. Я даже сказал бы, что именно это опущение было одной из главных целей книги. Когда страну наводнили евреи, возникла необходимость защитить истинное, чистое «германство» от их влияния. Думаете, я преувеличиваю? Придаю евреям значимость, которую не ощущает никто, кроме них самих? Может быть, и так, но, пожалуй, таков

единственный вывод, к которому может прийти еврейский читатель, сталкиваясь с систематическим исключением всего еврейского и одновременно прославлением всего немецкого.

Некоторые вещи остались прежними даже в переработанном издании 1981 года. В 1925 году Аргентину посетил Альберт Эйнштейн – на тот момент самый знаменитый гость страны за всю ее историю. Однако он упоминается в книге лишь вскользь, и его имя не включено в указатель персоналий. Во время визита Немецкий клуб также демонстративно игнорировал Альберта Эйнштейна, одновременно осыпая почестями тогдашнего главу Рейхсмарине, адмирала Пауля Венке.

В издании 1981 года по-прежнему говорится о «расах» и явно проигнорирована возможность вычеркнуть другие малоприятные моменты – например, одобрение геноцида коренного населения. В Главе 7 по-прежнему написано:

Если учесть, что индейцы на юге страны насчитывали немногим более 15 тысяч человек, возникает вопрос, почему потребовалось так много времени на устранение угрозы с их стороны. С этой «напастью» (в том числе и для немецких колоний) удалось справиться лишь благодаря «походам в пустыню» генерала Роки, который бывал в прусских военных кампаниях и взял с собой научную комиссию, состоявшую исключительно из немцев и аргентинцев немецкого происхождения. Из 15 тысяч индейцев юга

14 тысяч были убиты или взяты в плен. Ничтожный остаток больше не представлял опасности.

Несколько лет назад «История германства» пережила третью переработку: вышел ее испанский перевод – точнее сказать, адаптация, в том числе в концептуальном смысле. Автор перевода, доктор Регула Роланд де Лангбен, родилась в послевоенной Германии, юность провела в Аргентине, защитила докторскую диссертацию по романистике в Гейдельберге и затем вернулась в Аргентину, где на протяжении нескольких десятилетий преподавала на кафедре немецкой литературы в Университете Буэнос-Айреса. В Университете Сан-Мартин она основала центр документации немецкоязычной иммиграции в Аргентину. В своем предисловии Роланд отмечает изменения, внесенные в издание 1981 года, например исключение из текста «Политического клуба иностранцев», основанного в конце XIX века либеральными швейцарцами немецкого происхождения и, возможно, – добавлю от себя – в эпоху холодной войны звучавшего слишком уж рискованно-социалистически. В определенном смысле переводчица пытается защитить авторов с националистическими взглядами, указывая на слабую проработку нацистского прошлого и отмечая, что их коллеги в самой Германии в то время тоже были не слишком-то продвинутыми в деле осмысления прошлого. Вместе с тем Роланд подчеркивает усилия обоих соавторов издания 1981 года, которые все же попытались отметить вклад немецко-еврей-

ских интеллектуалов и художников в условиях новой страны. Один из этих авторов, Карл Клингенфусс, был сотрудником немецкого посольства в Буэнос-Айресе в нацистскую эпоху, в связи с чем упоминается в публицистике в самых мрачных тонах. Однако последующие исследования, проведенные «академиками», опровергают все подозрения в отношении человека, который впоследствии стал президентом Германо-аргентинской Торговой палаты.

Испанский перевод был представлен как третье издание книги; в нем появились сноски, текстовые врезки с занимательными фактами и иллюстрации, подготовленные переводчицей и редактором. Из врезок мы узнаем о еврейском филологе Эйльхарде Шлезингере, который нашел убежище в Аргентине, а затем вернулся в Германию, или об историке отеля Eden в Ла-Фальде (провинция Кордоба), которым управляли личные друзья Гитлера и который в этой связи был конфискован после войны как немецкая собственность. Благодаря современной иллюстрации визит Эйнштейна наконец тоже переосмысливается как достопамятное событие.

Вообще благодаря Роланд – и, таким образом, вместе с ней у книги уже целых шесть авторов, ни один из которых не является историком – нацистское прошлое отдельных людей и учреждений наконец становится предметом обсуждения, и в историю немцев в Аргентине включаются такие личности, как Эйхман и Менгеле.

К настоящему времени появились и более свежие попыт-

ки обратиться к этой теме, но хотя эти книги – например, «Немцы в Аргентине» («Alemanes en Argentina») историка-любителя Альберто Саррамане или «Немецкий след в Аргентине: два столетия непростых отношений» (Deutsche Spuren in Argentinien: zwei Jahrhunderte wechselvoller Beziehungen) и «Пункт назначения Рио-де-ла-Плата: эмиграция немецких евреев в Аргентину» (Fluchtpunkt Río de la Plata: Die Emigration deutscher Juden nach Argentinien) бывшего культурного атташе Бернда Вульффа – идеологически безупречны, они сильно уступают в значимости уникальному коллективному труду Немецкого клуба.

Со всеми своими версиями и переизданиями, начинающимися на языке страны исхода и заканчивающимися на языке страны прибытия, эта книга сама стала важной частью той истории, которую пытается рассказать. А вот мне все же придется поискать свою историю в другом месте.

4. Вслед за бароном

Лет десять назад я вместе с другими аргентинскими писателями принимал участие в литературном фестивале lit.COLOGNE. Когда мне дали слово, модератор в первую очередь задала мне вопрос, как бы я предпочел называть своих предков: немцами еврейского происхождения или евреями немецкого происхождения. Излишняя дилемма, которую никто бы не предложил немецкоязычному автору любого другого вероисповедания. Однако на этот вопрос есть очень красивый ответ, который знают только немецкие евреи, живущие за границей: мы – йекке. Это словечко, вероятно, образовалось в идише от немецкого Jaske («куртка») и использовалось в Палестине в качестве насмешки над странным стилем одежды немецких евреев, носивших куртки даже под палящим восточным солнцем. По другой версии, оно может быть связано с кёльнским диалектным словечком Jesk: так называли шута, положительного персонажа тамошнего карнавала. Как бы то ни было, группа, к которой так обращались, приняла насмешку и превратила ее в нейтральное, а то и почетное самоназвание.

В книгах, посвященных еврейской иммиграции в Аргентину, история йекке начинается примерно так же, как история немцев в немецкой литературе. И здесь мы тоже с удивлением узнаем, что евреи, оказывается, были в Аргенти-

не задолго до испанцев. Об этом писал монах-доминиканец Бартоломе де лас Касас, который считал коренных жителей континента потомками десяти колен Израилевых. С одной стороны, эту гипотезу подкрепляет сопоставление народных обычаев, а также слов в языке кечуа и иврите. С другой стороны, по-видимому, были основания полагать, что Колумб также имел еврейское происхождение, а значит, евреи как бы завоевали сами себя – только, к сожалению, в пользу церкви.

Однако, несмотря на то, что первый аргентинский еврей, как уже упоминалось, имел немецкое происхождение и именно немецкие евреи вместе с эльзасцами и англичанами основали первую еврейскую общину страны – *Congregación Israelita de la República Argentina (CIRA)* в 1862 году; несмотря на то, что восточноевропейские колонии организовывались и финансировались из Германии и среди первых поселенцев встречались такие фигуры, как немецкий еврей Герман Вайль из Штайнфурта, который впоследствии основал крупную зерноэкспортирующую компанию и по инициативе своего сына Феликса Хосе материально поддержал создание Института социальных исследований во Франкфурте в 1920-е годы – несмотря на все эти нюансы, история евреев в Аргентине остается преимущественно русской. Именно поэтому евреев в Аргентине (весьма пренебрежительно) называют *rusos* («русские»).

Правда, еще до того, как эти *rusos* в конце XIX века прибыли в Латинскую Америку при поддержке Еврейской ассо-

циации колонизации, из России уже приезжали так называемые поволжские немцы – этнические немцы, населявшие низовья Волги в Российской империи. Они вошли в состав первой крупной организованной группы сельскохозяйственных поселенцев, с помощью которых планировалось заселить пампу. В начале XX века они составляли почти 90% из примерно ста тысяч немцев, проживавших в Аргентине. Однако репутация у них была весьма сомнительной, прежде всего из-за «бескультурия» и замкнутости. Позднее комиссар по вопросам иммиграции Самуэль Наварро называл их «бедствием для страны», президент Сармьенто выступал за ограничение такой иммиграции, а расположенные по соседству еврейские колонии барона Хирша в некоторой степени пострадали от дурной репутации поволжцев.

Еще сильнее по еврейской общине ударило другое, на этот раз политическое обобщение. Вместе с русскими евреями в Аргентину прибыло немало анархистов и большевиков. Самым известным из них был Симон Радовицкий, который в конце 1909 года, в возрасте восемнадцати лет, взорвал начальника полиции, полковника Рамона Фалькона в отместку за кровавое подавление забастовки рабочих. После этого правительство довело до сведения Еврейской ассоциации колонизации, что не потерпит в стране новых иммигрантов, представляющих опасность для общественного блага. К тем, кто уже успел обосноваться, стали приглядываться повнимательнее; еврейские организации подвергались напад-

кам. Десять лет спустя, во время так называемой «Трагической недели», когда произошло жестокое подавление рабочего движения, начались и погромы – в том числе со стороны полиции. В те годы многие еврейские иммигранты выдавали себя за немцев, чтобы избежать проблем.

Однако самая серьезная угроза для еврейской общины исходила от еврейских же торговцев людьми из Польши. Под видом благотворительного общества *Sociedad de Socorros Mutuos* («Общество взаимопомощи») в первые десятилетия прошлого века в Аргентине и Восточной Европе действовала обширная сеть сутенеров, известная как «Цви Мигдаль». Девушек (преимущественно из Польши) с помощью ложных обещаний брака заманивали в Аргентину, а затем принуждали к проституции. Женщины обслуживали десятки клиентов в день; мужчины выстраивались в очереди в коридоре. Хотя торговцев девушками презирали и изгоняли из общины, их власть и богатство были достаточно велики, чтобы создавать собственные учреждения: среди них – крупнейший театр на идише в самом центре Буэнос-Айреса и даже собственное кладбище в пригородах столицы (которого у йеппе нет до сих пор). Лишь в 1930 году, после того как одна из жертв организации, Ракель Либерман, подала заявление в полицию и к власти пришли (антисемитски настроенные) военные, преступная организация была разгромлена.

Вскоре после этого у руля Германии встал Гитлер, и вместе с этим началось – сначала единичными случаями, а за-

тем все более массово – бегство немецких евреев в Аргентину. Эта волна иммиграции, которую также поддерживала Еврейская ассоциация колонизации, была организована еще хуже, чем переселение русских евреев сорока годами ранее. До этого момента евреи из Германии выступали лишь посредниками в переселении для своих единоверцев с востока и не планировали сами начинать новую жизнь в качестве крестьян, ведь это было весьма непросто. Глядя на скромные итоги иммиграции из Восточной Европы, Еврейская ассоциация колонизации тоже больше не хотела брать на себя ответственность за организацию массового исхода. К тому же за это время иммиграционное законодательство заметно ужесточилось, и ИСА не хотела прибегать к взяточничеству – предположительно, из-за опасений за свою репутацию. Местное Общество помощи еврейским иммигрантам («Сороптимист») разработало новые аграрные проекты – уже не экстенсивные, а интенсивные, расположенные недалеко от Буэнос-Айреса, однако аргентинское отделение ИСА сослалось на слишком высокие расходы и отклонило их. И хотя позднее в Энтре-Риос все же возникла колония Йекке Авигдор, а в Чоэле-Чоэль на севере Патагонии была создана учебная ферма для молодых Йекке, иммиграция из немецкоязычных стран носила скорее индивидуальный или семейный характер и редко выходила за пределы Буэнос-Айреса.

5. Наши люди

Настоящая история йекке в Аргентине началась в 1933 году- как прямая реакция на первые антисемитские проявления внутри немецкой общины. Дискриминация, конечно, существовала и раньше: об этом можно судить по уже упомянутому автобиографическому роману Макса Рене Хессе, действие которого разворачивается в начале 1930-х годов в Немецком госпитале Буэнос-Айреса. Там есть небольшая сцена, где госпожа консул Рунке, «приятельница кайзера и кронпринца», осматривает больницу, чтобы решить, жертвовать ли на нее деньги. Но «она, понимаете ли, недолюбливает Израиль», поэтому по больнице ее водит новичок Морат, а не его еврейский начальник, доктор Виденер.

И в самом деле, первые признаки раскола наметились именно в Немецком госпитале, когда врач-нацист напал на директора-еврея, и группа евреев во главе с Адольфом Хиршем (не из бароновой ветви) основала Общество помощи немецкоязычным евреям. К этим так называемым старожилам мог бы принадлежать и мой прадедушка по отцовской линии, которого в начале века отправили в страну безграничных возможностей как представителя немецкой фирмы Osram. Однако в 1922 году он вернулся в Германию, потому что его жена больше не могла выносить южный образ жизни, и здесь у него возникла безрассудная идея: открыть на свои

аргентинские деньги в Германии торговый дом. Пятнадцать лет спустя он снова отправился на юг – разумеется, уже без своего состояния.

«Израильская филантропическая ассоциация» (Asociación Filantrópica Israelita, AFI), как позже стал называться этот благотворительный союз, имела двойную задачу. С одной стороны, были старожилы-переселенцы, которые по понятным причинам больше не могли обращаться в подобные организации для немцев. С другой – и в последующие годы это стало ключевым фактором – появились и новые иммигранты, которые нуждались буквально во всем: от одежды и языковых курсов до жилья, помощи в переговорах с властями и, разумеется, работы.

Также по-прежнему существовало Общество помощи израильским иммигрантам, уже упомянутый «Сороптимист» (кстати, первая организация помощи иммигрантам в Южной Америке), а также ранее упомянутая CIRA, которую в то время даже возглавлял немец. Однако йекке хотели иметь собственное объединение, и все попытки консолидировать общие усилия под эгидой одной зонтичной организации с треском провалились. В последующие годы йекке основали целый ряд собственных учреждений, помимо AFI: от детских домов и домов престарелых до спортивных клубов, библиотеки с абонементом и синагог. Даже внутри крупных еврейских организаций они создавали собственные структуры – например группу немецкоязычных женщин в составе

Союза аргентинских сионисток.

Эта склонность йекке держаться «своих» напоминает мне один случай, когда моя бабушка по материнской линии (до сих пор речь шла о семье отца) приехала навестить меня в Гейдельберге и в один «йонтев», то есть праздничный день, захотела посетить синагогу. В Освенциме бабушка Элла вместе с другими узницами дала клятву: если они выживут, то никогда больше не вернутся в Германию. Она действительно выжила, но не могла знать, что трое из четырех ее внуков позже будут жить в Германии, и поэтому ей самой время от времени захочется туда заезжать. Чтобы хоть немного заглушить чувство вины из-за нарушенной клятвы, бабушка решила всякий раз обязательно заходить в синагогу (хотя на своей новой родине, в городе Порту-Алегри бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул, где проживало довольно много йекке, она делала это лишь изредка). Я нашел в Гейдельберге синагогу, но она оказалась «не той».

– Это не наши люди, – заявила бабушка.

Оказалось, что в эту синагогу ходят не ашкеназы (от Ashkenas, ивритского обозначения Германии; по-испански это слово еще выразительнее – asquenazí: мне всегда казалось, что это как нельзя лучше подтверждает склонность Бога к висельному юмору), а сефарды, то есть евреи, изгнанные из Португалии, к которым относят также евреев из арабских стран и с Балкан. Мы все-таки пошли туда в пятницу вечером, но совсем ненадолго – чтобы она могла очистить

совесть, при этом не задерживаясь слишком долго среди чужих людей.

Стоит отметить, что разногласия йекке с остальной еврейской общиной в Аргентине начались гораздо раньше. Уже в конце XIX века начались проблемы с восточноевропейскими евреями в колониях барона Хирша. Среди прочего Еврейскую ассоциацию колонизации обвиняли в том, что она проводит стратегию, направленную на быструю ассимиляцию, вместо того чтобы сохранять еврейские традиции. Некоторые поселенцы даже подали против ИСА судебные иски и выиграли их в суде. И в самом деле, склонность к ассимиляции была одной из наиболее характерных черт евреев, проживавших в Германии: там даже обсуждали возможность перенести святой шаббат, чтобы приспособить его к христианскому воскресенью.

Очередным поводом для конфликтов стал бойкот немецких товаров после прихода Гитлера к власти. В одной из многочисленных книг с воспоминаниями восточноевропейских эмигрантов я случайно обнаружил письмо июля 1934 года, в котором как раз обсуждается эта проблема. Учитель Ури Рубинсон из Луис Унгре (провинция Энтре-Риос) сообщает, что кооператив продает бритвенные лезвия с надписью «Сделано в Германии», хотя продавец отчаянно пытался убедить его, будто это аргентинский товар. Кроме того, его ученики, которые уделяют таким вещам большое внимание – и «тщательно проверяют друг друга» – показали ему каран-

даш фирмы Faber, также импортированный кооперативом. Как вообще можно торговать «вещами, запятнанными кровью», которые на самом деле должны быть запрещены «наравне со свининой или даже строже»?

В то же время многие йекке – например в восточно-еврейской колонии Мойсес-Виль, которую некоторые считают предшественницей будущих израильских кибуцев – отказывались бойкотировать товары из родной Германии.

Учитывая вышесказанное, не стоит удивляться наблюдению историка Хаима Авни, констатирующего, что в 1930-е годы «проблемы иммиграции не представляли для укоренившегося еврейского населения никакого интереса». В то время как немецкие организации всячески заботились о своих людях, «в еврейской прессе было трудно найти хоть какой-нибудь отклик на акции в поддержку иммигрантов».

Историк Рональд Ньютон заходит в своих рассуждениях еще дальше и отмечает, что до 1933 года немецкоязычные евреи чувствовали себя частью немецкой общины и считали восточноевропейских евреев «культурно примитивными». Когда же их вышвырнули из родной общины другие немцы, «культурное изгнание» йекке по понятным причинам не вызвало особого сочувствия у тех, кого они прежде презирали, то есть у восточных евреев.

Это пренебрежительное отношение не исчезло и после войны, что я мог наблюдать и в собственной семье. Сестра невестки моей бабушки по отцовской линии (звучит как

что-то очень отдаленное в путанице семейных связей, однако мои родители навещали ее в доме престарелых для йекке вплоть до ее смерти) призналась мне, что она и ее семья с самого начала – то есть с 1938 года – не хотели, чтобы их считали евреями, потому что в Аргентине евреями были «те, с востока», и у них была дурная репутация. «А мы хотели быть немецкими-пренемецкими». Оба ее сына позже вернулись в Германию.

6. Кто такие йекке?

Когда Роберто Шопфлохер – пожалуй, самый известный писатель-йекке в Аргентине – в 1937 году в возрасте пятнадцати лет прибыл в Аргентину, местная еврейская община показалась его семье – в которой идиш считали искаженной формой немецкого, – настолько чужой, что поначалу его предпочли отправить в Христианскую ассоциацию молодежи.

«Обеим сторонам приходилось преодолевать исторически обусловленные предубеждения, – пишет Шопфлохер в своей автобиографии „Далеко отовсюду“. – И подчас у нас складывалось впечатление, будто немецких евреев воспринимают как несостоявшихся нацистов – вот-те раз!»

Похожие жалобы я слышал и от бабушки Эллы, которая говорила, что даже в концлагере сталкивалась с дискриминацией: «В Терезиенштадте чехи не хотели иметь с нами, немцами, ничего общего. Нас депортировали так же, как и их, но они утверждали, что мы финансировали гитлеровский режим».

Йекке с самого начала образовали собственное объединение внутри общины русос (ашкеназов), которые, в свою очередь, довольно резко отграничивали себя от туркос, или «турок» (то есть сефардов). Йекке не смогут узнать себя ни в вышеупомянутой книге Хаима Авни, ни в исследовании еврей-

ской идентичности историка Виктора Мирельмана, ни даже в 450-страничном иллюстрированном альбоме «Повседневная жизнь аргентинских евреев» писателя Рикардо Файерштайна. За сведениями о жизни общины йекке придется обратиться к книге Альфредо Хосе Шварца «Несмотря ни на что... Немецкоговорящие евреи Аргентины».

Эта книга – изначально изданная на испанском, затем – на немецком и даже переизданная в 2010 году – конечно же, была в библиотеке моих родителей и представляла собой такой концентрат мировоззрения йекке, что доходило до неловкости.

На основе многочисленных интервью, проведенных преимущественно в вышеупомянутом доме престарелых Израильской филантропической ассоциации (где, кстати, уже некоторое время принимают не только йекке и даже не только немцев – вот до чего все дошло!), в книге раскрывается двойственная идентичность этих людей, которые были «слишком еврейскими» для немцев и «слишком немецкими» для евреев.

На вопрос о том, что такое быть евреем, здесь прозвучали весьма резкие ответы. «Это значит – не повезло, – ответил один из участников интервью, виновато добавив: – Извините, вырвалось. Зато честно». И хотя остальные опрошенные отметили, что не совсем согласны, и попытались предложить другие ответы – мол, они евреи по воспитанию, «но и только», или так называемые «трехдневные евреи», кото-

рые ходят в синагогу лишь в большие праздники, и так далее, «теория невезения» все равно заставила присутствующих задуматься, поэтому первый респондент решил немного сгладить свое изначальное утверждение, добавив, что «анти-семитизм исходит из того, что мы умнее и прилежней».

Когда же речь заходит о немецкой идентичности, происходит ровно противоположное. Не получая прямого ответа, Шварцу приходится идти окольными путями, чтобы добраться до правды. Хотя большинство опрошенных признает, что не испытывает никакого чувства принадлежности к Германии (или же весьма ограниченное), другие данные, похоже, свидетельствуют об обратном: все они по-прежнему говорят по-немецки; выбрали себе на старость учреждение для йекке; большинство получают пенсию из Германии, имеют немецкий паспорт и не раз посещали эту «ужасную» страну; у некоторых там даже живут дети и внуки. Вывод получается следующий: «Местный йекке живет в Аргентине, но сердцем он в Израиле, думает, как немец (или носит в кармане немецкий паспорт), а банковский счет у него в Швейцарии».

Есть еще одна книга на ту же тему и с тем же методом исследования – по случайности изданная в том же году (1991). – где психиатр Элена Левин идет еще дальше и выдвигает тезис, что первое поколение йекке чувствовало свое превосходство над аргентинцами и в определенном смысле «продолжало жить в Германии». Настаивая на использова-

нии немецкого, ведь «нельзя эмигрировать из родного языка» и общаясь почти исключительно друг с другом, йекке могли подпитывать иллюзию, что у них не смогли отнять всё. «Здесь им было позволено быть немцами – разумеется, при условии, если они не будут смешиваться с „настоящими немцами“». В то же время автор с удивлением отмечает, что 90% респондентов поначалу не знали, что имеют право на восстановление утраченного гражданства, словно сами считали себя виноватыми в его утрате из-за вынужденной эмиграции. Тщательно упакованные в психиатрический жаргон, заключения Левин воспринимаются как решимость не отдавать нацистам ни грамма немецкости (Deutschtum).

Как мы видим, еврейский элемент не играл ключевой роли в самоопределении первого поколения йекке. В отличие от религиозных евреев, в их случае речь шла скорее о традиции, которую оживила – а в некоторых случаях и породила – вынужденная эмиграция. Эта тенденция только усиливалась в последующих поколениях, хотя, конечно, всегда можно найти и противоположные примеры: так, один мой бывший одноклассник из самой что ни на есть немецкой семьи йекке стал раввином.

Сам я в вопросе идентичности запутался давно и безнадежно, потому что принимал все откровенно немецкие обычаи за еврейские традиции: поиск пасхальных яиц в саду, кулек со сладостями в первый день школы, привычку ложиться спать после ужина, звонить на следующий день после при-

глашения, чтобы поблагодарить хозяев, и даже обычай получать подарки вечером накануне дня рождения во время церемонии, которая у нас дома так и называлась немецким словом *Bescherung* («одаривание»). Отец объяснял нам это тем, что шаббат тоже начинается накануне вечером, хотя на самом деле этот обычай восходит к раздаче подарков в сочельник – праздник, который его еврейская семья еще отмечала в Германии, но перестала праздновать в Аргентине. Так я и пребывал в блаженном неведении, пока не получил возможность в рамках школьного обмена познакомиться со страной не четырех, а целых пяти моих дедушек и бабушек (бабушка Лотти вышла замуж во второй раз – разумеется, внутри общины) – и не открыл для себя горькую правду: мы были самыми настоящими немецкими йекке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.